

УДК 811.161.1'282

**ЯЗЫКОВОЕ КАРТИНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
В ТРАДИЦИОННОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ***В. П. Васильев***THE CONCEPT VERBALIZATION IN THE LINGVISTIC PICTURE
OF THE WORLD OF THE TRADITIONAL LINGUA-CULTURAL COMMUNITY***V. P. Vasilyev**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 11 - 14 - 42003 а / Т*

Статья посвящается исследованию фрагмента культурно-языковой картины мира крестьянства как определяющего для русского этноса сословия. В ней предлагается анализ системы языковых представлений, объективирующих базовый концепт *роса*, с точки зрения стоящих за ними специфических черт сельского мира, его культуры и менталитета.

Статья продолжает публикацию «Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира», выполненную в рамках этого же гранта.

The article is dedicated to the fragment of lingua-cultural picture of the world created by peasants as the main social layer of the Russian ethnic community. Here the analysis of the system of linguistic notions, which help to objectivize the basic concept *dew* is given from the point of view of the specific features of the rural world, its culture and mentality.

The article continues the «The denotative class as a categorical fragment of the linguistic picture of the world» publication, fulfilled in the frames of the same grant.

Ключевые слова: диалектная картина мира, денотативный класс, метоним, концепт, ментальность, традиционная культура русского социума.

Keywords: the world dialectal map, denotative class, metonym, concept, mentality, traditional culture of the Russian society.

В изучении языковой картины мира (ЯКМ) как совокупности эмпирических знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии и грамматике [1, с. 66], в настоящее время выдвигаются различные подходы, среди которых обращают на себя внимание лингвистический (лингвокогнитивный) и культурологический [2, с. 76 – 130].

Лингвистический подход к описанию картины мира реализуется через реконструкцию её фрагментов исключительно на основании языковых данных. Путём структурно-семантического анализа лексики определённого языка воссоздаётся цельная система представлений, отражённых в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной или универсальной [3; 4]. С развитием когнитивизма в лингвистике ценностно-смысловое пространство языка раскрывается путём воссоздания объективированных в нём концептов. Стремление учёных к исчерпывающему пониманию природы ЯКМ побуждает рассматривать её в контексте смежных категорий, таких как обиходные представления (или наивная КМ) [5; 6], языковая модель мира [7, с. 135], научная [2, с. 3 – 75] и концептуальная картины мира, а также со стороны обнаруженных в ней уникальных и универсальных признаков в отображении реальной действительности.

При лингвокультурологическом подходе, учитывая неразрывную связь культуры народа и его языка, ЯКМ рассматривается как источник знания о национальной культуре, национальном характере и менталитете. В исследованиях подобного типа [8; 9; 10, с. 282] намечаются принципы лингво-

культурологического анализа и определяются единицы объяснения и описания ЯКМ. Её этнокультурное своеобразие раскрывается на основе анализа слов и неоднословных номинаций с особыми культуроспецифичными значениями, которые «отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления» [10, с. 268]. Языковые единицы, соотносимые с «ключевыми культурными концептами», изучаются на материале отдельно взятых языков [9] или неблизкородственных языков [10]. Критическое осмысление полученных результатов позволяет культурологам от лингвистики внести в исследовательскую ориентацию ощутимые поправки, которые расширяют картину мира за счёт включения концептов «материального мира» и предостерегают от вульгаризаторских суждений о национально-культурной самобытности, сделанных на одноязычном материале [7, с. 136].

Наличие в отечественном языкознании существующих подходов со своими установками и достижениями актуализирует идею синтеза лингвокультурологических и когнитивно-семиологических методов, отвечающую потребности «полномасштабного моделирования ЯКМ, а также выявления тех механизмов, которые определяют её этнокультурное своеобразие» [7, с. 137].

В наших работах, поддерживающих установку учёных на создание интегративной теории ЯКМ, анализ метонимической лексики русского языка осуществляется в её сопряжённости с традиционным типом культуры и диалектной подсистемой на-

ционального языка [11; 12]. Настоящая статья посвящается исследованию фрагмента культурно-языковой картины мира крестьянства как определяющего для русского этноса сословия. В ней предлагается анализ системы языковых представлений, овнешняющих базовый концепт *роса*, с точки зрения стоящих за ними специфических черт сельского мира, его культуры и менталитета.

Основу источниковой базы исследования образует корпус лексико-фразеологических средств, извлечённых из словника «Словаря русских народных говоров» [13] и подготавливаемого к печати недифференциального «Сибирского метеорологического словаря» [14].

Изучение метеорологической лексики русской деревни (равно как и других слоев натурфактонов) в связи с её социокультурной реальностью мыслится необходимым в том отношении, чтобы, с одной стороны, показать, как «в процессе приспособления к условиям природной среды закрепляются соответствующие психологические установки, эмоциональные реакции, нормы и идеалы культуры... народа» [15, с. 76], а с другой стороны, понять деревенское общество с теми традициями, которые присущи громадной части человечества и которые направляли, формировали, а иногда и препятствовали развитию России [16, с. 92].

Опираясь на идею о том, что «каждый фрагмент действительности является неотъемлемым элементом культуры» [17, с. 3], мы соглашаемся с тем, что в метеоним «одинаково входит и творение мира, и наша психика» [18, с. 34]. При этом этнокультурная окрашенность метеонима проистекает из проекции в его концепт элементов культуры по трём составляющим. К ним относятся:

а) цивилизационная составляющая, символизирующая собой результаты хозяйственной деятельности людей в соответствии с прохождением различных ступеней технического и технологического развития данного сообщества;

б) социально-психо-логическая составляющая, вбирающая в себя национальный характер, менталитет (особенности мышления), проявления нравственности;

в) модусная, или деятельностная, составляющая, указывающая на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации [19, с. 14].

Средством хранения культурной информации, сосредоточенной в языке «чаще всего в латентном... состоянии» [20, с. 14], оказываются различные звенья ассоциативно-семантической сети метеонима. Таким «участком» ЯКМ, развёртывающим культурную специфику метеонима-концепта, признаётся денотативный класс (ДК) [11]. В межчастеречном составе ДК как особой разновидности категориально-идеографической группировки [21] удерживаются знания о реалиях метеорологической действительности, обусловленные не-однородными компонентами традиционной русской культуры – с одной стороны, материальной культуры, всегда бытующей только как крестьянская, земледельческая; с другой – духовной культуры, характеризующейся сплавом

языческих воззрений с ортодоксально-христианскими [21, с. 367].

Исследуемый ДК включает в себя содержательно специализированные языковые единицы, которые по отношению к его опорному метеониму *роса*, обозначающему базовый концепт, характеризуются как семантические (смол., ср.-обск. *медовая росица* ‘роса во время выделения нектара медоносными растениями’, ворон., липец. *зароситься* ‘выпасть (о росе)’, алт., новг. *росовый* ‘собранный из капель росы (о воде)’ и др.), грамматические (кемер., том. *съесть* ‘перен. причинить вред сельскохозяйственным культурам. О росах, туманах и под.’), тематикоситуативные (пск., твер. *росинец* ‘мелкий осенний дождь’, олон. *росяница* ‘...болотное растение росянка’, свердл. *ходить под Иванову росу* ‘купаться в Ивановой росе’) и прагматико-семантические (казан., орл., ряз., смол. фольк. *росица* ‘ласк. к роса’) ассоциаты.

Вместе с тем перечисленные типы ассоциатов неоднoplanовы и по своей нацеленности на выражение концепта, и по вкладу в его объективацию: одни из них обеспечивают эндогенную (греч. *endon* ‘внутри’) направленность в картировании концепта росы, а другие – экзогенную (греч. *ekhō* ‘снаружи, вне’). Значения номинаций первого типа складываются из сем, которые в сочетании с идентификатором конкретизируют инвариантное содержание лексемы *роса* либо вычленивая в его границы соответствующие сегменты (ср. карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, енис., кемер., ленингр., том. *ивановская роса* ‘роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами’, волог. *обросеть* ‘покрыться росой’, диал. *роснополе* ‘поле на заре, когда роса ещё не высохла’ и т. п.). Они были предметом культурно-когнитивного анализа в предшествующей статье [11].

Содержание экзогенных языковых средств сводится к такому семантическому составу, которым определяется их положение на границе ДК (ср. арх. фольк. *росистый* ‘частый мелкий. О дожде’, *каменная роса* ‘папоротник *Asplenium trichomanes*’). Центробежный характер этих языковых единиц, участвующих в раскрытии семантико-когнитивного потенциала лексемы *роса*, реализуется в русских говорах словами и устойчивыми оборотами, относящимися к человеку и его духовно-практической деятельности, растениям и явлениям природы, абстрактным понятиям (времени, количеству) и др.

Установленные понятийные сферы манифестируются в разной степени наполненными лексическими множествами. Из них для наблюдений избираются натурфактоны, с которых начинается описание экзогенных средств выражения концепта. «Природные» имена включают в себя названия видов дождей, их свойств и функциональных состояний:

арх. *роса*, калуж., курск., орл., тул. *рось* – ‘мелкий морсящий дождь; морось’, перм. *божья роса* ‘о тёплом мелком дожде, благотворно влияющим на растения, на урожай’, арх. *вместо росы пало только* ‘о коротком мелком дожде’, пск., твер. *росинец* ‘мелкий осенний дождь’, ряз. *как росица* ‘о неболь-

шом дожде', арх. фольк. *росистый* 'частый мелкий (о дожде)', кемер., ряз. *росить* 'идти, падать мелкими частыми каплями; моросить';

оптического явления: калуж. *роса* 'туман, поднимающийся от реки (признак хорошей погоды)';

растений из различных семейств: олон. *росяница* 'травянистое многолетнее болотное растение росянка', диал. *солнечная роса* 'растение Drosera, трава двулетняя', *росянка* 'растение Drosera rotundifolia L., сем. росянковых';

урал. *росник*, перм. *росенка* – 'растение Alchemilla vulgaris L., сем. розанных; манжетка обыкновенная (в складках листьев этого растения, сложенных воронкой, собираются крупные капли влаги)', урал. *христова роса* 'манжетка?', волог. *росянка* 'растение Alchemilla vulgaris L., сем. розовых, Rosaceae'; волог. *росинник* 'растение Cotoneaster vulgaris L., сем. розанных; кизильник';

вят., твер. *росопас* 'растение Chelidonium majus L., сем. макоцветных; чистотел'; *каменная роса* 'папоротник Asplenium trichomanes' (споровые), а также сельскохозяйственно значимой сезонной травы – урал. *юрьева роса* 'наиболее сочная весенняя кормовая трава'.

Метеонимы и их роль в моделировании культурно-когнитивных представлений о росе

Устойчивое сопряжение понятий *роса* и *дождь* объясняется их (а) генетической отнесённостью к благодатной небесной влаге, а следовательно, к ряду сакральных явлений: ср. чит. *божья вода*, новосиб. *божья капля* 'экспр. роса' и – иркут. *божья воля* 'дожди', перм. *божья роса* 'о тёплом мелком дожде, благотворно влияющем на растения, на урожай', арх. *святовода* 'дождевая вода'; (б) благоприятным воздействием на урожайность злаков: см. смол. поговорка «не дождём, так росами хлеб растёт», а также высказывание «Не ударит дождж в налив, росой пашеница может налиться» (Кемер.).

Современное описание дождя в свойствах и признаках росы – *Дождь затяжной бывает мелкий, как ро-са. Может идти полсутки и полмесяца* (Кемер.), – проявляющее доминирующую позицию дождя в иерархии атмосферных осадков и его подчиняющее влияние, восходит к пониманию однородности этих атмосферных явлений в древности. В связи с этим роса воспринималась скорее как вид дождя (см. *роса* < прасл. **rosa* < и.-е. **rōs* : **rēs* – 'течь', 'истекать', 'литься' [23, с. 123]), что генетически подтверждается сходством этимологического значения этого метеонима с принципом номинации, характерным для плювионимов (< лат. *pluvia* 'дождь'): ср. волог., вят., яросл. *морох* 'мелкий частый дождь' < прасл. **morx* < **morgh* < и.-е. **meregh* 'увлажнять, окроплять, течь, струиться' [24, с. 222], а также моментом типологии: англ. *dew* 'роса' < др.-англ. *deaw* (ср. осет. *dog* 'молоко первого удоя'; др.-сакс. *dou*; др.-в.-нем. *tou*; нем. *Tau*; др.-сев. *dōgg* соотносятся с др.-инд. *dhavate* 'течёт'; греч. *Θέειν* 'течь, быстро двигаться' (< *Θέειν*) < и.-е. *teu-* 'раздуваться, подниматься, плести' (плетение вод). Подобной интерпретации лексемы отвеча-

ет как устойчивое выражение перм. *дать, послать тёплую т и х у ю росу* 'моление, просьба (во время первой грозы) послать хорошую погоду, уберечь от природных напастей', так и ряд речевых произведений, создаваемых диалектоносителями во время беседы с ними: *Дожджы какие? Лучшие без ветру – заливной. Он не секёт ничего, он может прямой. Говорили: «Господи, спусти тихую росу»* (Кемер.). *Появление росы от перепада. Вот, значит, к утру похолодает и, значит, оттуда льётся с неба. Господь нам даёт, нам эту росу* (Кемер.). Закономерным семантическим продлением лексемы, включённой в идеализированную когнитивную модель «осадки – покров», является значение, обуславливающее современное речевое сочетание *дождевая роса* 'покров капель воды на растениях...', образовавшийся в результате дождя'. Ср. *Росы дожджевые, если нет ветра, так и будут стоять на хлебу. Земля без дожджей не может существовать. Это же земля* (Кемер.), а также: *Роса грести мешает. Мелкий дожджичек перед утром – роса* (Кемер.).

Корнеслов *рос-а*, единицы которого интерпретируют *pluvia*-объект в виде явления (арх. *роса* 'мелкий моросящий дождь; морось'), качества (арх. фольк. *росистый* 'частый мелкий. О дожде') и функционального состояния (кемер., ряз. *росить* 'идти, падать мелкими частыми каплями; моросить'), по сути результат когнитивно-языковой обработки родо-видового бинама *дождь*: *роса* путём приведения в действие механизма языка, образуемого координацией системных аспектов слова [25] *роса* в таком порядке, как парадигматика → эпидигматика → синтагматика: *дождь*: *роса* → *росит...дождь* (ср. *ветер*: *пурга* → *пуржит... ветер*); *дождь*: *роса* → *росистый ... дождь* (ср. *ветер*: *буря* → *буранный... ветер*); *дождь*: *роса* → *росяной... дождь* (≥ *росинец* 'мелкий осенний дождь').

Вместе с тем эволюция образа, вошедшего в язык древним взглядом, обнаруживается в новом видении росы, в ракурсе которого она не только влага, оставшаяся после дождя, и не только «пот земли», но и самостоятельное явление, отличное от дождя и инея. Ср. *Чуть-чуть утром прыснувши было, росичку нагнало* (Новг.). *Дождж дожджом. Она из земли, роса, выходит* (Кемер.) и – *Роса появляется от самого воздуха. Дожджа, допустим, вечером нет, ничего нет, и роса. Мокрая, на траве сырьё* (Кемер.). Таким образом, вместе с психологически ярким образом росы, воспринимаемой в виде капель воды, покрывающей растения в утреннее время, что оказывает благоприятное воздействие на выполнение сельскохозяйственных работ и губительное влияние на растительность [26], в метеорологической КМ русского крестьянства уживаются отголоски её разновременных осмыслений.

Характеристика тумана по росе (ср. калуж. *роса* 'туман, поднимающийся от реки ...'), вызванная метонимическим принципом «атмосферное явление → источник образования» (*роса* → *туман*) его категоризации, вскрывает феноменологическую особенность народного восприятия явления росы, в соответствии с которым не принимается в расчёт раз-

личная природа её происхождения. Ср. *Ночью туман падает, получается роса...* (Кемер.). Между тем в оседаниях воды на наземные предметы при тумане или при влажном воздухе научная метеорология видит два совершенно самостоятельных явления – росу и наморось ‘водяной налёт на тонких или выдающихся предметах (проводах, ветвях, выступах, углах и т. п.), оседающий из тумана при соприкосновении капель тумана с поверхностью предмета, способной смачиваться’ [27, с. 90]. Следовательно, крестьянская картина мира зиждется на прагматических началах: что не важно для практического опыта, то и не осознаётся.

Фитонимы в аспекте объективации культурно-языковых знаний о росе

Связанность росы и растений непреложным законом естества подчёркивается народной поговоркой: «*Без росы и трава не растёт*». В своей слитности они образуют тот компонент естественного базиса, на котором замыкаются определённые стороны крестьянского бытия. Факторы выделенности дикорастущих травянистых растений, покрытых росой, в общем объясняемой сохранением в крестьянском сообществе культуры потребления природы, далеко не полностью проясняются через внутреннюю форму фитолексем. В основном они выявляются в процессе функционирования фитонимов в тексте, где значимость называемых ими реалий оценивается с точки зрения пригодности для корма, использования в лечении различных болезней, наличия привлекательных особенностей и т. д. Приведём лишь некоторые контекстные подтверждения: *Где сырость, там и он [лягушатник ‘манжетка’]. На покосе коровы не едят* (Том.). *Росенка [манжетка] – хорошая трава; росенку рвём, когда чирей садится* (Перм.). *Встанеш пораньше, помолитиши и на луг, она [христова роса ‘манжетка’] тамо одна сверкат изо всех, вот и берёш* (Урал.).

При разборе номинационных структур фитолексики проследим, отображение каких аспектов связи росы и растений представляется необходимым для хозяйствующего земледельца и какой задаётся уровень осмысления росы.

Так, мотивирующим образом для возникновения разных обозначений фитонимического объекта семейства росянковых служит взгляд на него как на мелкое дикорастущее насекомоядное травянистое растение, круглые листья которого покрыты ярко-красными ресничками с блестящими клейкими капельками на концах, похожими на капли росы. Ср. *Росянка..., потому что роса на ней очень долго держится* (Том.). *Мы росянкой зовём... Стрелку [стрекоту] поймат усиками и высосет сок из неё, а та кричит. Росянка от росы растёт. Вся скользка* (Том.). Этот образ, взятый в аспекте покрытия растения якобы каплями росы, явился базой для номинации данного растения, с одной стороны, расчленённым выражением *росяная трава*, деривативно свёрнутым в лексемы *росянка* ‘растение *Drosera rotundifolia* L., сем. росянковых, *Droseraceae*’ и олон. *росяница* ‘травянистое многолетнее болотное расте-

ние росянка’, а с другой стороны, устойчивым сочетанием *солнечная роса* ‘растение *Drosera*, трава двулетняя’, метафорический атрибут которого мотивирован сходством с солнцем его круглых листьев с ярко-красными ресничками (железками).

Названия растений семейства розоцветных (*Alchemilla vulgaris* L.) «возглавляются» общерусским фитонимом *манжетка* ‘травянистое растение... с зеленовато-жёлтыми цветками и складчатыми листьями’. То примечательное свойство растения, что в середине каждого листика даже в жаркие дни сверкает капелька росы, составило мотивирующее основание для дополнительного метонимического обозначения, характеризующего растение по росе как его покрову: ср. урал. *росник*, перм. *росенка* – ‘...манжетка обыкновенная (в складках листьев этого растения, сложенных воронкой, собираются крупные капли влаги)’, волог. *росянка* ‘растение... семейства розовых’: *У ей [христовой росы ‘манжетки’] листочки-те таким бы кружавицкам, а посередке копелюшешка есть* (Урал). В множественности именований проявляются и факторы субъектного порядка, обусловленные суевериями и поверьями носителей крестьянской культуры, их религиозными убеждениями. Так, поводом для присвоения растению названия *приворот* (*приворотник*, *приворотное зелье*) < *приворотить* / *приворожить* ‘в суеверных представлениях – ворожкой привлечь кого-, что-либо, внушить любовь к кому-либо’, бытующего в уральской фитонимике, послужила практика использования росы, собранной с манжетки в полдень и в полночь в течение трёх дней тайно от чужого глаза, для приготовления приворотного зелья, предназначенного для того, на кого произносился заговор [28, с. 168]. Ср. *Приворотное зелье трава ешь и пиво на хмелю, ну, понятно, чтоб привезать ково* (Урал.). О манжетке как наиболее ценной лекарственной траве – см., к примеру: *С роснику [манжетки] капельку слизи, снулость [сонливость, вялость] пройдёт*. (Урал.), – «траве, обладающей необычными, волшебными свойствами», свидетельствует её связь с культом Иисуса Христа [29, с. 37, 58-59], что отражается в номинативном сочетании урал. *христова роса* ‘манжетка?»: *со христовой росой глазки промывают, благостна трава* (Урал.).

Через номинационную структуру вят., твер. *росопас*, обозначающую чистотел, вскрывается объектный взгляд селянина на него как на растение, долго хранящее (*насущее*) росу по причине густого ветвистого стебля.

Папоротник (*Fsplenium trichomanes*) получил название *каменная роса* по месту произрастания (каменистые расщелины гор) и способу питания (за счёт оседания на него росы). Ср. *Папорт – эта тако растение. Растёт ано на больших утёсах. Душистае-душистае, сабирають иво ходить. Если на ём пад Ёвана-Купала итти, шыпка страшна. Ано аганьком гарит. А кады ближы падайдеш, то камни падать начинают и звуки раздающа, пугают усех* (Бурят.).

Уральский фитоним *юрьева роса* 'наиболее сочная весенняя кормовая трава, (которой может быть по разным говорам и папоротник, и фиалка трёхцветная, и чистотел, и др.)', возникшее в результате синекдохи на базе номинативного значения 'первые весенние травы с юревой росой', восходит к словосочетанию, порождённому обычаем «на Юрьев день... собирать росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также окроплять домашний скот» [29, с. 36]. В нём в свёрнутом виде содержится цепь семантических переходов, в результате которых сакральная сторона в освоении росы сменяется профанной: 'роса, образовавшаяся на растениях в день святого Георгия (Юрия), поэтому считающаяся целебной' → 'растения, с которых собирают росу в день святого Георгия (Юрия)' → 'первые весенние травы с юревой росой' → 'наиболее сочная весенняя кормовая трава'. Ср. *В первый раз на поскотину выгоням, когда юрьева роса с-под снега вылезит* (Урал.). *Юрьева роса на Юрьев день поевлется* (Урал.) [29, с. 50]. Анализируемое название опосредованно отражает поверья, связанные с народным календарём природы, фиксирует имя святого, якобы покровительствующего скоту и плодородию.

Исследуемые номинативные структуры, типологизуясь по двум совмещённым основаниям их классификации – по характеру признаков, положенных в основу названия [30, с. 23], и по факторам, обуславливающим выбор мотивирующих признаков [29, с. 28], – подразделяются на:

а) отоъектные квалификативные номинации (*росянка* = *росяница* = *солнечная роса*; *роса* 'морось');

б) отоъектные релятивные номинации (*манжетка* = *росник* = *росенка*; *каменная роса* 'папоротник');

в) отоъектные квалификативно-релятивные (*росопас* 'чистотел');

г) отсубъектные релятивные номинации (*приворот* 'манжетка');

д) отсубъектно-оъектные релятивные номинации (*христова роса* 'манжетка');

е) отсубъектно-оъектные квалификативно-релятивные номинации (*божья роса* 'о тёплом мелком дожде...').

В своей совокупности они являются способом поддержания концепта и обнаружения его содержательных сторон, связанных с такими концептуальными аспектами и образующими их признаками, как «составные частицы осадков»: 'капли'; «агрегатное состояние осадков»: 'вода'; «способ существования осадков»: 'выпадать'; «расположение осадков относительно других объектов»: 'покрывать'; «объекты покрова»: 'травянистое растение'; «величина составных частей осадков»: 'значительный по величине', 'незначительный по величине'; «плотность расположения частиц осадков при их выпадении»: 'близко расположенные друг к другу'; «температура осадков»: 'относительно высокая температура'; «яркость освещённого покрова»: 'имеющий блеск'; «эстетическая оценка»: 'красивый' (ср. *солнечная ро-*

са); «утилитарная оценка»: 'приносить пользу (здоровью человека)' или 'благоприятствовать росту и развитию растений'. Отоъектные номинации, будучи преобладающими, вскрывают «естественную установку» в отношении крестьянства к миру, или «открытое и доверчивое восприятие мира, что свойственно "донаучному человечеству" и представителям восточных культур» [31, с. 252]. Субъектно маркированные номинации воплощают сакральный мотив наименования природных реалий (*юрьева роса*, *христова роса*, *божья роса* 'о тёплом мелком дожде...') или мифологический (*приворот*), отражающий магические действия с росой.

Рассмотренные натурфактоны (метеонимы и фитонимы) показывают объективированные образцы познавательной деятельности [30, с. 21] крестьянства, вбирающие в себя представления о росе в тех или иных её аспектах и тем самым иллюстрирующие менталитет познающего субъекта. В осмыслении реального познавательного опыта, связанного с росой, вскрывается эмпирически ориентированный способ постижения явления, отягощённого мифолого-религиозными переживаниями живительной силы росяной влаги и ритуальными действиями с ней, следами её разновременных пониманий. Категориально-эмпирический способ познания росы не составляет всей полноты знаний о росе. Более всего они раскрываются в динамических проявлениях концепта *роса*, реализующихся в разнообразных синтаксических конструкциях.

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001.
2. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003.
3. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27 – 35.
4. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 – 67.
5. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. общеданные представления / Е. В. Урысон // Вопр. языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3 – 21.
6. Норман, Б. Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики / Б. Ю. Норман // Рус. яз. в школе. – 2007. – № 5. – С. 20 – 27.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010.
8. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира: на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки рус. культуры, 1997.
9. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – М.: Языки слав. культуры, 2005.

10. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая. – М.: Языки рус. культуры, 1999.
11. Васильев, В. П. Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестн. Кемер. ун-та. – Кемерово, 2011. – Вып. 1. – С. 155 – 161.
12. Васильев, В. П. Моделирование метеорологической картины мира в отраслевом диалектном словаре / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Васильев, В. П. Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении: Вестн. Том. ун-та: бюллетень операт. научн. информации, № 46. – Томск, 2005. – С. 92 – 113.
13. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2007. – Вып. 1 – 41.
14. Васильев, В. П. Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских топонимов Сибири / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – Вып. 10. – С. 182 – 198.
15. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 40 – 56.
16. Левин, М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи / М. Левин // Крестьяноведение, 1977. – М.: Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, 1977. – С. 84 – 127.
17. Бижева, З. Х. Культурные концепты в кабардинском языке / З. Х. Бижева. – Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т, 1997.
18. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – СПб: Наука, 1998.
19. Иванова, С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм / С. В. Иванова. – Уфа: БашГУ, 2004.
20. Вендина Т. И. Словообразование и «сокрытые» смыслы культуры / Т. И. Вендина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 14 – 32.
21. Васильев, В. П. Межчастеречное семантическое поле как идеографический способ представления знания о мире / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Русский язык: историческая судьба и современность. – М.: МАКСПресс, 2010. – С. 240 – 241.
22. Толстой, Н. И. К реконструкции древнеславянской духовной культуры / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 364 – 385.
23. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2.
24. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1992. – Вып. 19.
25. Васильев, В. П. Языковая картина мира в аспекте координации системообразующих параметров лексики / В. П. Васильев // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 3. – С. 59 – 67.
26. Васильев, В. П. Освоение природного мира диалектоносителями / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2008. – Ч. 2. – С. 13 – 22.
27. Заморский, А. Д. Атмосферный лёд / А. Д. Заморский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
28. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000.
29. Коновалова, Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001.
30. Берестнев, Г. И. Слово, язык и за их пределами / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.
31. Бряник, Н. В. Введение в современную теорию познания / Н. В. Бряник. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.